

Актуализация мертвых поэтов в наш причудливый век чаще всего происходит по принципу «затяни тег из облака». Егор Летов был и будет уже навсегда, но именно попытка назвать его именем омский аэропорт и заявление министра культуры Мединского на сей счет (вот помрет, мол, тогда и подумаем) вдруг совершенно четко прописали его в национальных святцах.

Десятилетний отстой пены (Егор ушел в 2008 году) принял вдруг такие неожиданные параметры.

Возникший по довольно случайному PR-поводу разговор о Егоре Летове объединил таких разных людей культуры и медиасферы, как Маргарита Симоньян, Кристина Потупчик, Игорь Молотов, Максим Кононенко, Игорь Мальцев (которому от Летова в свое время доставалось). Подтянулись и либеральные витии, правда, в довольно своеобразном контексте, о котором ниже. Понятно, что здесь лишь видимая и небольшая верхушка социального айсберга, а значение Летова для нашего общества совершенно не ограничивается возможным названием омского аэропорта.

Жизненный опыт учит меня: пророческий дух дышит, где хочет. Сегодня, быть может, в этом смысле чиновники гораздо эффективнее поэтов, и причин тому несколько. И главная, похоже, в том, что принадлежность к повсеместно презираемому сословию, просвечиваемому насквозь рентгеном медиа и социальных сетей, добровольное попадание в априорную группу риска неизбежно склоняют к проявлениям юродства, со всеми отсюда вытекающими, включая прямоговорение и пророчества.

Я, кстати, к анахроническим словесным ляпам Владимира Ростиславовича отношусь с интересом. Помню, как набросились, кипя сарказмом, когда он определил Сергея Довлатова в XIX век. Однако Довлатов и впрямь неплохо смотрелся бы в конце того глубоко литературного столетия. Он сам себя именовал разночинцем, сравнивал с Куприным, хотел быть похожим на Чехова и начинал, подобно молодому Горькому, с шокирующего реализма – лагерных рассказов. Был – в эстетическом смысле – прямым наследником пушкинской манеры, даже в анекдотах.

Оговорки Мединского – нечто вроде культурологических парадоксов, и неважно, понимает это сам автор или нет. Для подвига юродства характерна традиционно

неадекватная на него реакция. Мединский утверждает, будто Егор Летов жив, и возмущенная публика, как свидетельством о смерти, трясет стихом-афоризмом Егора, тоже вполне пророческим и провокационным: «Когда я умер, не было никого, кто бы это опроверг». Ага, мстительно шумит публика, нашелся один такой – Мединский!

Летов оценил бы ситуацию: очень уважал абсурд.

Еще забавнее наблюдать, как прогрессивная наша общественность, для которой в этом летовском сюжете ключевым оказался мотив «затроллить министра», колотя себя пятками в грудь, прописывается в маргиналах, забыв, как еще вчера столь же запальчиво полагала себя лучшей мастью социума, солью и болью Системы и, полемизируя с другой юродивой от госслужбы, Ольгой Глацких, утверждала: государство – это мы.

Егор Летов при жизни был под запретом на «Нашем радио». Михаил Козырев подводил под эдакую формат-цензуру идеологическую базу. А теперь Игорь Федорович, с подачи того же Мединского, прописался аж на «Эхе Москвы», где всяк либеральный сверчок рассуждает о его феномене в суконной манере армейских пропагандистов, старательно, впрочем, обходя наиболее принципиальные свойства этого феномена, что выглядит подлогом в сто раз более худшим, чем анахронизмы министра.

Мединский, разумеется, прав: Летов жив. Как любой великий национальный художник, достойный пушкинской формулы: «Нет, весь я не умру...»

Сначала было понимание, что этот глубоко русский творческий феномен, архетипом из бунтарей и ересиархов, родом из интернациональных 60-х, наша единственная по гамбургскому счету мировая рок-звезда. Затем стал определяться масштаб явления не в субкультурном,

а в общекультурном контексте, и вокруг этого процесса уже разрастается свой сад расходящихся тропок и закладывается отдельная индустрия.

Как всегда в подобных случаях, спустя время обнаруживаются наследники не по прямой (прямых, кстати, как не было, так и нет) – и любопытно, что по линии не ripk`a, а рэпа – единственная наша на сегодня супергруппа «25/17» (их проект «Лёд 9» непосредственно продолжает концептуальные эксперименты Летова). Равно как и беззаконной кометой ворвавшийся на вполне уже отформатированную отечественную рэп-сцену Хаски, с его камланием и юродством.

Однако куда важнее сегодня социальное и символическое наследие Егора Летова и группы людей, на него столь же символически претендующие. Речь о представителях нескольких поколений, от тридцати плюс до пятидесяти – а это самая активная и деятельная часть общества, разнообразная в профессиональном и географическом смысле, но спаянная общим историческим опытом, эстетическими воззрениями и... Летовым. Это ни в коей мере не его фан-клуб, бывший или настоящий (хотя бы потому, что понимание противоположно поклонению). Игорь Федорович для них не ностальгический образ Первого учителя; «росли на его песнях» – в данном случае нелепость, «Гражданская оборона» у них, естественно, всегда в подкорке, однако сам невероятно наслышанный и начитанный Егор указал путь безостановочного интеллектуального движения и поиска.

Летов для этой мощной общественной страты – прежде всего социальный философ, навсегда обозначивший позиции и ценности, оказавшиеся чрезвычайно принципиальными спустя десятилетия. Неприятие Системы унижения и подавления личности, размывания ее в теплом пластмассовом болоте безответственного потребления.

«Русское поле экспериментов» – горькое и подчас неуютное, но неизбежное чувство Родины – вопреки официальным патриотизмам самых разных эпох и режимов. Вольное братство экзистенциальных одиночеств, образцы которого – анархическая армия Махно, искренне-безоглядный футбол в исполнении сборной Камеруна на мундиале 1990 года, советская военная и революционная песня... Да немало всего, как выяснилось.

Нынешний «эхомосковский» околотрёп все эти вещи бдительно обходит. Там отлично понимают, что любой серьёзный разговор о Егоре неизбежно выведет на глобальные (одно из любимых его слов) социальные вопросы и революционные пути их решения. А подобного допустить ни в коем разе нельзя – это вам не министров троллить. И не защищать Летова от «охранителей», Симоньян и Ко, как это делает Сергей Пархоменко – и партийная ревность оборачивается сектантской глупостью.

Но сообщество, о котором я говорю, пропустило реплику Мединского о «маргиналах» мимо ушей: и в определении ничего обидного, да и сам сюжет с названием омского аэропорта стал не настолько принципиальным. В нем не было никакого заискивания перед властью. Никто не рвался выхлопотать для Егора звание официального поэта в качестве подачки «нашим». Здесь, скорее, было другое – отчасти наивное и прямолинейное желание заявить о себе. Аз (точнее, мы) есть. Однако куда важнее символично-географический посыл, пусть и не продекларированный: и в ценностных иерархиях страны всё давно не так, и на москвоцентризм есть чем ответить, и пространства готовы заговорить при случае летовским рычанием и надрывом.

Омский аэропорт – не первый звоночек в этой истории, просто он оказался услышанным, пусть на поверхностном уровне, и напрямую связанным с именем Летова.

И, естественно, далеко не последний. Идеологам власти (и оппозиции) пора прислушаться.

*Ливнем косым постучатся в нашу дверь
Гневные вёсны, весёлые войска
Однажды –
Только ты поверь –
Маятник качнётся в правильную сторону
И времени больше не будет.*

Иногда даже кажется, что вся затея с переименованием российских аэровокзалов была придумана ради того, чтобы имя поэта и революционера закрепилось в официально-публичном контексте. Как будто могучее подземное движение оказалось локализовано шумным, но неопасным (возможно, до времени) выбросом вулканической магмы на поверхность в определенной точке. Тем не менее с этой субстанцией теперь предстоит жить.

В подобных акциях весьма непродуктивной мне кажется апелляция к мнению самого мертвого творца. Его отношение пытаются реконструировать («как бы Он воспринял»), и как раз в случае Летова реакция вполне предсказуема. В лучшем случае на инициативу поклонников Егор отозвался бы любимым словечком «гамазня» (означавшим бессмысленную бытовую суету), а вообще-то привычно проклял бы тотальный Попс, снова вышедший его сожрать и переварить. Или в очередной раз, пощечиной общественному вкусу, связал бы собственное имя с чем-то густо ненормативным, как в названии группы «Егор и...»

Всё это нас ни разу не приблизило бы к пониманию его творческого и социального феномена.

Дискуссия вокруг названия омского аэропорта – конечно, эпизод, «потехе час», поскольку Егор продолжает

свои труды и войны. Тем не менее это важный сюжет по- смертной жизни Летова, позволяющий наконец зафиксировать ту огромную работу над умами, которую он произвел и производит. Национальный опыт художественного сопротивления, который подчас эффективнее политического (споры и расхождения Летова с Лимоновым; эти не раз пересекавшиеся параллельные когда-нибудь снова сойдутся). Невероятный случай диалога с миром, когда поэт практически не выходит из комнаты, а мир под его воздействием неудержимо меняется.

Игорь Федорович Летов, при всем обилии рефлексий и огромном количестве материалов, вообще плохо осмыслен, а последний сюжет, хоть и ключевой для летовской мифологии, воспринимается в качестве курьёза, достойного книги Гиннеса. Сидит безвылазно человек в комнате окраинной омской хрущёвки, пишет свои песни и альбомы сугубо самопальным способом. Если и отлучается, то чаще в лес, чем на гастроли. Диктует мирозданию свои правила и претензии. Мироздание, может, до конца не понимает, но слышит и знает.

Крайне заманчиво представить домашнюю студию «ГрОб-Records» своеобразным образом России (а ведь были в девяностые – нулевые моменты, когда вечная, единая и неделимая Россия только там, быть может, и существовала), однако более продуктивным мне представляется другая аналогия.

Виктор Пелевин в 2016 году издал роман «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами», уже через пару лет основательно забытый. Впрочем, сам автор, согласившись когда-то стать шестеренкой в механизме литературного календаря, сделал свои романы продуктом скоропортящимся. Тем не менее именно в этом тексте заявлен сильный образ т. н. «Принципа Портала»: в 60-е годы XX века, сообщает нам Виктор Олегович, случилось

Второе пришествие. Якобы масоны, изолированные советской властью в ГУЛАГе на Новой Земле, достроили там Храм Соломона, и он оказался порталом между мирами.

«Если мы переведем эти представления на современный язык, у нас получится, что Храм – это некая материальная структура, делающая возможным земное проявление Божества. Своего рода, как говорят фантасты, портал между землей и Небом, искусство возведения которого было знакомо древним – и утрачено с развитием т. н. «прогресса». Все великие древние храмы служили такими Порталами. (...) Злая воля человека и в этот раз оказалась сильнее божественной любви. Но светлых вибраций, уже прошедших через Портал, было достаточно, чтобы неузнаваемо изменить нашу Землю и подарить нам шестидесятые, поколение цветов, новую музыку, искусство – и веру в то, что мы можем жить без мировых войн».

Любопытно, что упомянутый мной Эдуард Лимонов сказал о 60-х похожие вещи, но в терминах скорее политических, нежели эзотерических:

«Сейчас, вспоминая шестидесятые годы, вижу, что это была бодрая эпоха надежд, молодой энергии. И бодрость, такую весеннюю веселость шестидесятых не могла придушить даже советская власть. Начали молодежную мировую революцию в Китае, по призыву старого Мао хунвейбины повели «огонь по штабам» – ополчились против старых партийных кадров. Китайская молодежь торжествовала: это было видно молодежи всего мира на экранах телевизоров. Все обрадовались такому яростному примеру и бросились оспаривать власть стариков. Революцию 1968 года в Париже, восстание против русских в Праге начала молодежь. Запылали американские кампусы, в Беркли образовалось даже молодежное правительство из студентов. Бунты совпали с движением

хиппи, с мировым успехом английской группы «Битлз». В шестидесятые жить было весело, хотя молодежь и не пришла к власти, но успешно потрясла власть стариков. Сейчас, мысленно выискивая в толще времени другую такую эпоху, я не нахожу другой. Шестидесятые были беспрецедентны. Даже в СССР, в Москве, в 1965–1966 годах бушевали СМОГисты – члены Самого молодого общества гениев» (эссе «Весенняя веселость шестидесятых...» из книги «Апология чукчей»).

Так вот, мне кажется, что студия «ГрОб-Records» в омской хрущёвке и была таким Порталом, возведенным Егором Летовым. Он, может быть, с одной стороны, объективно промахнулся во времени (отсюда весь его мрак, звук, эсхатологизм), но ведь, с другой стороны, Игорь Федорович всегда убежденнейше полагал именно бо-е своей родиной, и для него они никогда не завершались.

Показательно, что всё это происходит в России: и пелевинская мистическая конспирология, и летовский «русский прорыв». Он намеренно купировал себе западную карьеру еще в 1988–1989 гг. Остается гадать, как бы она развивалась, впрочем, и гадания тут не особо нужны: беспрецедентный драйв «Гражданской обороны», установка на любую композицию как потенциальный хит и хук, сам образ панк-героя из загадочной страны Сибирь обеспечили бы нехилую раскрутку, стадионы, топы и клипы – уж как минимум по всей обширной мировой панк-сцене, от Германии до Японии, включая индифферентные Штаты. Тусклых провалов, которые пережили выброшенные перестроечной волной и модой на советское к западным берегам «Аквариум» и «Звуки МУ», уж точно не случилось бы.

...Совсем в другую эпоху «Гражданская оборона» мощно отыграла и в Германии, и в Израиле, и в США (Восточное и Западное побережье, любимая Егором Калифорния), но это уже был факт личной биографии группы.

Необязательный эпилог к сложившемуся творческому корпусу, к тому же – и что показательно – организовывались гастролы по «русской» линии. Ситуация, омского затворничества не отрицающая.

Здесь, на мой взгляд, принципиальный и актуальный на сегодня урок Егора Летова. Восходящий к идее особо почитаемого им Федора Достоевского о нашей «всемирной отзывчивости». Политическая изоляция государств бывает объективна – духовная изоляция художника контрпродуктивна всегда. Летов, феноменально знавший западную музыку и хорошо тот мир представлявший, отказывается стать его частью ради не только своего, но и общего. Когда он называл себя «советским националистом», мне представляется, имел в виду прежде всего принадлежность к уникальной человеческой общности, которая, при всех своих внутренних неурядицах и даже свинствах, имеет право и вдохновение демонстрировать прогрессивному миру ключевые ритмы и смыслы времени. Поверх границ и захваченных территорий.

А вот аналог революционный – Нестор Махно тоже занимал почетное место в его иконостасе. А ведь и впрямь батькина анархическая республика в Гуляйполе с крестьянским самоуправлением и вольными советами – своеобразный портал, до сих пор востребованная в разных частях света лаборатория левых смыслов. Как и прообраз летовской студии: революционная практика Нестора Ивановича по манере и энергетике напоминала панк-альбомы, эхо которых звучало и в 1968-м по всему миру, и сегодня скрежещет во Франции, где закончил земной путь Нестор Иванович.

«В самом акте творчества (особенно в роке) есть, на мой взгляд, некое прометейство, этакая кража, захват, крамольное и бунтарское похищение у горнего мира

небесного огня, знания, энергии, силы, света в подарок, в дар своим увечным, лишенным, убогим, обиженным, обделенным сородичам, болезным – тем, кому изувечено и извечно не положено. И Матросов, и Махно, воюющий единовременно на всех фронтах, и Высоцкий, и Шукшин, и Тарковский, вообще каждый истинно живой каждым своим честным, горьким и ликующим действием как бы затыкает собой некое чудовищное метафизическое дуло, хоть на пару мгновений. И тут не важно, чем придется платить, какой карой... Главное – что амбразура пару секунд безмолвствовала. Главное – что вражеское орудие выведено из строя хоть на пару секунд. Значит, свои получили передышку» – из летовского интервью «Приятного аппетита» (1990 г.).

Егор дал нам передышку, но сегодня растягивать ее дальше – дело страшно неблагодарное по отношению не только к нему.